

1

Есть в городе Петрозаводске район — Старая Кукковка. Сплошь из одноэтажных, редко двухэтажных домов и домишек. За низенькими заборами — сады: рябины, яблони. За крайним домиком — высоченный еловый лес. Улицы напротив узенькие, немощные, заросшие обочь травой-лебедой. Но, не в пример асфальтовым шоссе, названные именами громкими, в честь русских писателей: Короленко, Чехова, Лермонтова. Вот на одной из них, на улице Некрасова, я и родился.

Великая Деревянная Кукковка! До середины 70-х годов опоясанная еловым лесом и ледяными ручьями, не чета нынешним, подпирающим ее толевые крыши, коробочным новостройкам. Со своим кинотеатром. Двумя магазинами. Веселой заснеженной дорогой от дома к заледенелому роднику, верхом на салазках. И-их! Вот-вот из-за поворота покажется длинный оштукатуренный дом — детские ясли.

Здесь, в яслях, среди других ползающих и хныкающих ребятишек я впервые увидел себя со стороны — маленького мыслящего человечка, сидящего у ящика с детскими игрушками. Это произошло так неожиданно и ярко, как будто из кучи всевозможных вещей и событий я выхватил нечто особенное, что не покажешь никому из знакомых и близких, никому, даже чужому человеку. И нет на земле более важного, более ценного для тебя воспоминания — обретения собственного «я»... Потом приходят другие знания, другие мысли: мысли, что кто-то думает, действует, предугадывает каждый твой шаг. Но ты лишь сильнее сжимаешь в кулачке железную пуговку из ясельной группы — крошечную пищалку, без которой не ожил, не свистнул мягким розовым брюшком резиновый мишка...

Забирала меня из группы баба Паша. Я тут же убежал вперед. И запыхавшейся бабушке стоило больших трудов догнать шустрого, несмышленого малыша, прячущегося за заборами и кустами казавшейся такой большой и знакомой улицы Некрасова...

Скоро воскресенье и — бабушкины пироги. Пятилетним крохой, выхватывая из легкой цветной дымки стол, печь, кухню в старом бревенчатом доме, я наблюдал, как раскатывает тесто баба Паша, как из муки, воды и огня рож-

Олег
МОШНИКОВ

г. Петрозаводск

дается настоящее маленькое чудо — зятевы пироги... В то время я величал их просто «пирожки с песочком»... Ах, как долго я ждал появления с пышущей жаром плиты тонких поджаристых ломтиков сладкого теста! Как осторожно брал с голубого глубокого блюда хрупкие ломкие дольки. В месте неровного разлома содержимое горячих хрустких пузырей шипело и булькало, плавилось и сочило сквозь пальцы на одежду, скатерть, жгло язык и золотило сердце... Бесподобное, вкусное, нежное воспоминание детства! — такое яркое и чистое, что некогда, некогда до сих пор отряхнуть рубашку от белых остывших струек песочной начинки...

А дорога от старых яслей до места, где когда-то стоял наш дом, оказалась такой короткой... Подслеповато вглядываются в пасмурное небо окна низких деревянных домов. Вот крыша заброшенной покосившейся избушки, когда-то охотники привезли сюда найденного в лесу медвежонка. Проходя мимо заросших крапивой дворов, я тщетно пытаюсь найти остовы лавочек

и клумб, которые подрывал в поисках пиратского клада детским совочком. Из этих дворов я приносил домой в спичечном коробке майского жука или пугливую гусеницу. Показывал бабушке и отпускал в придорожную траву... В детстве все было близко: жучки, паучки, травинки. Их было столько, что, казалось, из этих красивых, гладких, мохнатых, радужных живых существ состоит весь мир. Мне было бесконечно жаль бескрылой мухи, обезноженного паучка, недвижимой бабочки. И какое счастье охватывало меня, когда с ладони на соседний куст слетала божья коровка: «...лети-лети на небко, там твои детки кушают конфетки!» Не рань, не задень, не наступи... На месте бабушкиного дома теперь — каменистый огород. За дырявой изгородью в расщелине между двух небольших валунов растет каштан. Потянувшись, достаю до ветки. Лист, похожий на след пеликана, ложится мне в руку. Неожиданный. Нежный. Каким-то чудом залетевший на наши севера. Лист на ладони. Как это много! Как много дали мне родители, бабушка, Кукковка! Улыбчивый папа, красивая мама — намного, намного моложе меня, сегодняшнего, сорокалетнего «увальня», — бесконечно добрая бабушка подарили мне детство. Добрые. Веселые. Любящие. Надеюсь, таким же надежным, таким же родным человеком являюсь и я для своего подрастающего сынишки. «Ты знаешь, папа, — заявил мне как-то сын, — я не хочу взрослеть, но все равно взрослою...» Да, сынок, так происходит. Так неизменно происходит с каждым пытливым мальчиком или смышленной девочкой. Ты растешь. Но вместе с тобой растут твоя любовь и верность, отзывчивость и благородство, с каждым годом становится больше это сильное красивое чувство — чувство детства.

2

В школьные годы не все было безоблачным и чистым, как кажется по прошествии времени. В школе мне крепко доставалось от местных хулиганов — наглецов и задир — за мягкий незлобивый нрав и наивный взгляд... Сейчас — это последние люди, просят мелочь у магазинов, складываются на бутылку... Опухшие, жалкие лица... Дрожащие руки... И я, забитый ими в школе, стараясь не будить неприятных воспоминаний и избежать навязчивого внимания без-

жизненно-просветленных глаз, машинально, как залежалые троллейбусные билеты в урну, сыплю в протянутые ладони какую-то мелочь... Шутка ли — подаю милостыню своим сверстникам... И в глубоком кармане души ощущаю сложенную четверо записку, где круглым детским почерком выведено: «Не прощаю...»

«Не прощаю» — об этом кричали мои первые, пафосные, слабые стихи. И, вообще-то, хоть почерк тогда у меня был вполне читабельным, учился я средне. Любимая учительница литературы была премного удивлена моей долгой поэтической судьбой, ибо на ее уроках я получал не больше тройка за вялую трактовку программных сочинений. Зато немногие школьные товарищи уважительно хлопали меня по плечу, полистав исписанную стихотворными столбиками тетрадь: «Молодец! Стихи пишешь, а мы думали, чертиков на уроках рисуешь...» Важный праздничный дядя, зашедший как-то на семейный ужин, услышав мои стихи, произнес: «Это ты, наверное, племянник, из журнала «Огонек» переписал...» Пусть так... А пока я иду по знакомой школьной дороге и в такт упрямым шагам сочиняю новые и новые строки о справедливости и возмездии, о безбрежных океанах и диковинных деревьях, о чистых целях и благородных намерениях...

Так уж случилось, что из всех зазубренных, запуганных, ответственных и организованных школьных дней, слившихся в одну серую массу, самым ярким впечатлением остается дорога... Вернее, не сама дорога, а то, что сопутствует ей: лужи, деревья, дома, башни дворовых голубятен, кусты вдоль деревянных панелей, ошипанные мной юные, а то и рано пожелтевшие листочки и — мысли. Мысли о прочитанных книгах, об услышанных радиопостановках, увиденных киносказках, фильмах о пионерах и их хороших делах, где живут и борются со злом, в любых его проявлениях, смелые и честные люди.

Перед моими глазами в небесных лужах, за горбатыми таинственными сугробами открывались волшебные дали, вставали причудливыми тенями немые обиды. Фантазируя, наделяя себя огромной доброй силой, я разделялся со школьными хулиганами, не дававшими мне прохода на переменах, вырывал из круга прокуренной шпаны своих тихих запуганных друзей и — оказывался в блеклой пасмурной реаль-

ности северного городка, больно ударяя себя портфелем по ноге или запуская в небо мешок со сменной обувью... Тогда еще я не прочувствовал глубины народной мудрости, заданной мне загадки, что ниже травы и выше деревьев, на все времена и человеческие судьбы, будет одна, уходящая за горизонт дорога...

Однажды, машинально собрав учебники, напялив куртку с оторванной вещалкой, я вывалился из «черной дыры» школы и поплелся домой, испытывая на устойчивость доски проломленного деревянного тротуара. Очнулся я у подъезда ранее незаметного, молчаливого дома... Что-то постороннее вторглось в границы пустого равнодушного пространства привычного пути: во двор выпорхнула стайка радостных ребятишек! За тремя тонконогими подростками и смышленным карапузом выскочил смешной мохнатый пес.

В одно мгновение пестрый, смеющийся, лающий, визжащий клубок покатился за дощатые гаражи. Я остановился в ожидании чего-то необычайного. И вскоре компания появилась, держа за веревочку настоящего воздушного змея! Через миг легкая бумажная конструкция поднялась под самые облака. Разбежавшись, ребята поднимали змея все выше и выше! Так высоко, что у меня закружилась голова...

С тех пор, отвлекаясь от дырчатых деревянных панелей, я стал примечать нечто большее, чем зудящие в голове мысли о школе, несправедливости сверстников, неудачных строках... Я больше не мог спокойно проходить мимо шелестящей дивными страницами, манящей своими историями и приключениями книги жизни...

Когда-то на пересечении улиц маршала Мерецкова и Лососинской набережной располагалась барахолка. После школы мне не терпелось прошмыгнуть между пестрыми рядами, загляды-

вая в корзины и ведерки. Чего там только не было!.. Но однажды я не увидел на асфальтовом пятке шумного базара. Рабочие деловито устанавливали полукругом прицепы-вагончики, носили красочные щиты, что-то пилили, сколачивали. Из глубины таинственных сооружений доносились странные, ни на что не похожие звуки...

На следующий день я испытывал неописуемую радость, увидев построенный на рыночной площадке Изумрудный город! С замиранием сердца я приник к шелке разрисованного африканскими красками жестяного забора. А там — зебры, крокодилы, львы, бегемоты! И куда только подевались школьные неприятности и заботы? К нам в город приехал настоящая зверинец! Не дожидаясь воскресенья, родительской денежки на билет и мороженое, я мысленно уже был далеко отсюда: путешествовал по джунглям, раздвигал лианы, нырял под широкие мокрые листья, с головой погружался в поющее, клокочущее, рычащее великолепие окружающего мира, обследовал его тропы и перевалы...

Дорога завораживала, оберегала, не отпускала меня ни на минуту... Иногда, увлеченный уличными картинками, живя просторами недочитанной и во многом продуманной наперед книжки, я поворачивал назад и с удивлением обнаруживал себя у школьного крыльца, а то, добравшись до дома, проходил мимо своего этажа или подъезда и оказывался у дверей чужой квартиры, озадаченный странным видом и звяком дверного звонка... Но и сейчас, проснувшись среди ночи от тихого незнакомого звука, оглянувшись назад посреди суетных, стремительно летящих куда-то дней, я ясно осознаю, что уже начинаю забывать о цели пройденного пути, что пора возвращаться к тем кораблям и лужам, мерилам и ценностям, дружбе и любви ...от школы к дому.

«Упокой, Господи, души усопших рабов твоих...» В церкви малоллюдно. Закончилась служба. Перекрестившись на распяты у золоченого Кануна, зажигаю свечу в день памяти мамы. Вспоминаю большую часть жизни, прожитую вместе. Меньшая-то половина пролетела как один день...

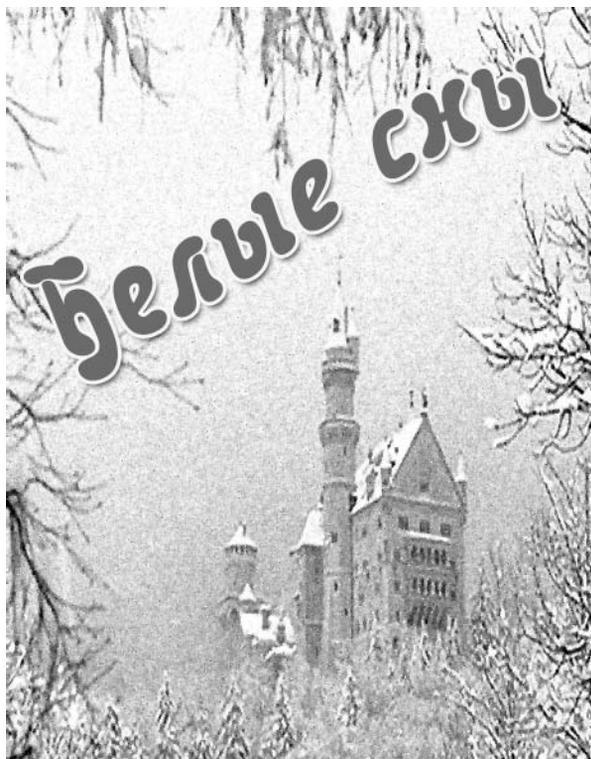
Подошла и встала напротив маленькая девочка в туго повязанном платке. Росточком — чуть

выше поминального Кануна. От ее близкого дыхания вздрагивали и вновь вытягивались в струнку дымные свечные хвостики. Большие синие глаза внимательно следили за бледными капельками парафина, стекающими по тонким свечам. Огненные язычки завораживали. Дыхание становилось тихим и нежным. И — длинные реснички боялись встряхнуть это яркое зовущее очарование. С какой молитвой обращается к Богу такая малютка? Какой свече, какому имени отдает тепло своего сердца?..

Церковь пустела. Радужки оплывающих свечей медленно погружались в темноту храмовых пределов. Девочка молча смотрела на пляшущие огоньки — переливающиеся перышки удивительных небесных птиц. Стояла не шелохнувшись... Неожиданно девочка встрепенулась и мгновенным движением затушила и выдернула из гнездышка мою свечку. Огарочек тут же очутился в деревянной коробочке, где уже катались, подталкивая друг друга, такие же парафиновые «карандаши». Я оторопел. Гремя короб-

кой, малютка собралась было перейти в другой темнеющий предел, и, повинувшись внезапному волнению души, я едва успел ее перехватить: «Девочка, стой! Стой, не уходи... Как тебя зовут?» Кроха удивленно подняла на меня свои огромные блестящие глаза: «Гая...» Гая — так звали мою маму... Не дожидаясь продолжения разговора — некогда! — кроха повернулась и побежала дальше: к иконе Божьей Матери, затем — к Николаю Чудотворцу, Святому Пантелеймону. Свечи. Коробочка. Свечи... Но ощущение, ощущение, что только что в маленьких пальчиках — теплым свечным огарком — теплилась жизнь моей мамы, не пропадало, оно было стойким, покойным и светлым... Она здесь, она слышит стук моего любящего сердца! Она слышит всех, кто молится за нее на земле...

«Господи Боже! Прости им прегрешения вольные и невольные, даруй им Царствие небесное! Аминь...»

В детстве я часто видел один и тот же сон. Сон с продолжением. Виделся мне старинный заснеженный замок. Хрустя навееанным с улицы снегом, по залам и галереям движутся бледные, почти прозрачные люди в белых одеждах. Все они идут в одну светлую залу, расположенную под самой крышей, и исчезают в высоких распахнутых окнах. В белом слепящем сиянии...

Через несколько лет сон повторялся. Я уже знал все лестницы и ходы таинственного замка — до арок белой залы. Однажды, войдя в ровное мерцающее сияние, я проснулся отдохнувшим, счастливым человеком. Теплое, солнечное прикосновение утра ознаменовало конец детским снам и страхам. Я простился с замком на долгие годы... Да кто ее разберет — природу навалившегося на прикрытые, истомленные веки сна? Что таится в нашем подсознании? Почему возвращаются белые, леденящие, вещие сны? Что пытаются они подсказать нам, от чего уберечь? А может — напомнить о главном, мимо чего проходит суетный, шадящий день...

Проснувшись однажды среди черной январской ночи, я поймал себя на ощущении продолжения того далекого зимнего сна, вернувшейся тревоги... Идем с отцом на окуневую рыбалку. Идем тяжело. Глубокий мартовский снег. Рассветная сутемь... На озере ни души... Первые трудные лунки заставляют скинуть на лед тулуп, рукавицы, колючий рыбацкий шарф. Сказывается мое смешное кособокое неумение пользоваться отцовским ледобуром.

Наконец-то, угнездившись на шарабане, я замираю в ожидании умопомрачительной поклевки... Слышится громкий треск. Крепкий утренний наст внезапно превращается в вязкую жидкую кашу. Лед расходится рваными широкими трещинами, выпуская на волю бурную весеннюю воду. Отец машет мне рукой, мол, тикай отсюда, и прыгает на большой лед. Я мешкаю и в последний момент вскакиваю на маленькую верткую льдину, которую, как кусок легкого упругого пенопласта, несет к берегу через жуткие хлюпающие разломы... Стоя на твердой земле, с полной уверенностью, что отец здесь, за моей спиной, оборачиваюсь... Пустынное озеро. Под ногами зеленая трава. Серые утицы садятся на темную зеркальную гладь лесной ламбы...

Простудившись на льду после зимней мартовской рыбалки, отец скоропостижно скончался несколько лет назад.

Не все ночные сновидения остаются в памяти. Только сокровенные, говорящие о самом дорогом и важном. За границами пробудившегося разума плещутся кошмары, бесконечные погони и скользкие утешения, не касаясь сердца, не ступая следом за грядущим днем... Только то, что по-настоящему тревожит и зовет за собой, — находит свое продолжение в белых, затронувших душу, задержавшихся в памяти на долгие годы снах.

Белый сон. Долгий. Тревожный. Идем вдвоем с сыном подземным лабиринтом. Длинные полутемные коридоры. Белые, потрескавшиеся, полукруглые стены. Помещения, напоминающие бетонные бомбоубежища. Мы движемся в едином, плотном потоке людей, целеустремленных, по-военному собранных. Повинуясь четким армейским командам, люди поворачивают

налево, направо и опять движутся прямо... Сын остановился, нагнулся над расхристанным развязавшимся ботинком и — отстал. Все мои попытки вернуться, поворотить вспять упрямую людскую реку оканчивались неудачей.

На выходе из бункера — непроглядная ночь. Редкие слепящие прожекторы пробивают светом промозглую тьму. Найдя свою команду, уговариваю старшего машины подождать, бегу назад. Вглядываюсь в лица выходящих наружу детей. Обегаю урчащие грузовики. Наконец у зеленого пассажирского «уазика» наталкиваюсь на одинокую печальную фигурку: «Ростик! Нашелся Ростик!» В каком-то белом несуразном плаще до пят, с непокрытой головой. Мокрый плащ, большие мокрые, заплаканные глаза. Слезы застыли причудливыми белесыми дорожками, повисли каплями на дрожащем подбородке. Солёные щеки. Осыпанные соленой пылью ресницы. «Где ты был, папа? А вдруг бы я потерялся? Что я могу один? Что?» Найдя сжатые, затерянные в необъятных рукавах кулачки, я согрел дыханием озябшие руки, отер щеки: «Ты нашелся — это главное. Пошли. Пошли к машине. Я тебя никогда не потеряю».

Мимо шли автомобильные колонны. Взвизгивали сирены... Я многое еще хотел сказать сыну, снова и снова прокручивая в голове сегодняшнюю ночь. И даже во сне ощущение, что этот кошмарный безликий людской поток, эти переживания — закончатся, что сын обязательно найдется, не покидало меня ни на минуту. Бояться не надо. В любой ситуации надо верить в любимого человека, знать, что ты не один. Мужская сила не в росте и умении работать локтями. Мужская сила — в стойкости. Можно быть маленьким и хлипким, но выносить многое. Можно быть огромным и нахрапистым, но спасовать перед первыми серьезными трудностями. Стойкость, несмотря ни на что! Стойкость, которой можно гордиться! Слышишь, Ростик? «Слышу, папа...» Обняв сына за плечи, я решительно подтолкнул его в слепящий до полной поглощающей белизны свет прожекторов, в ровное обволакивающее сияние скорого, неизбывного выхода из белого сна, из белого замка...

Книжкины места... Да, именно так я называю географию своих путешествий: поездки на юг, пионерские лагеря, долгие армейские дороги... Я поразительно точно помню, где и когда я прочел ту или иную книгу. Помню те часы, переживания, нетерпение встречи с литературными героями, будь то укромная тенистая поляна, черноморский пляж или полковая библиотека... Забываются лица, имена, расположения казарм и улиц. Но прочитанные страницы, людские судьбы, сила человеческого духа и мысли, поразившие меня, создают ощущение близости давно покинутых мною мест... Прошедшие через сердце, испытанные неумолимым временем, книги — это то хорошее и доброе, что может сделать удивительно долгим и счастливым путешествие по жизни... Об этом подумал я и в тот день, когда ты протянула мне книгу — книгу Евгения Богата о любви «... Что движет солнце и светила».

Участь книгогочя — ранняя близорукость... Отсюда и жизнь миопа: всегда расплывчата, всегда несобранна и нерешительна, но неплоха... Сталкиваясь с грубостью, хамством и вседозволенностью, не придавая значения этим громким расплывшимся очертаниям, всегда можно отойти в сторону, поправить очки и извиниться. Но невозможно, случайно встретив-

шись на перекрестке, незнакомой улице и даже в родном дворе, зацепившись портфелями или зонтами, невозможно пройти мимо такого же тихого, застенчивого и близорукого взгляда, поймав за руку свою судьбу.

Какие восхитительные, радостные запахи природы подарило нам короткое северное лето! Одновременно, на краю затянувшейся зябкой весны, захлестнули предместья и пригородные дачные кооперативы удивительные тонкие ароматы заневестившейся до середины лета цветущей сирени, стосковавшихся по долгожданному теплу лесных ландышей, вспыхнувшего застенчивым алым румянцем шиповника. Душистые волны растений создавали ощущение внезапно накатившего лета с буйными весенними утренниками и ночной осенней прохладой. Едва-едва перевалив июльскую верхушку, в распахнутые форточки, лесные просеки, хмурые дорожные просветы ворвались волны ранней карельской осени. Холодит кожу, пощипывает легко вздымающую грудь настой прелой листвы, грибных урочищ, сырого тумана, горьких болотных трав... Растопив баню, наносив в кадки студеной озерной воды, хочется смыть с себя дорожную усталость, колючий озноб пасмурного дождливого дня... И дух бревенчатой бани, настоянный на березовых и можжевеловых венниках, пропитанный жаром сосновых досок, смолистых поленьев, окатывает все наше живое, восторженное, трепещущее существо брызгами вспененной белой черемухи, темного грозового озера, росного луга, окутывает нежным рассветным туманом, еще и еще раз дарит нам ощущение мягкого карельского лета.

Вчера ты решила навести порядок в старых родительских альбомах. Раскладывала фотографии по кучкам: 19 век, 20-й, 21-й... Черно-белые карточки, потертые на сгибах, хранимые у сердца. Картонные портреты. Семейные истории. Выразительные лица. Сороковые... Шестидесятые... Встречи. Юбилеи. «А вот и наше свадебное фото!»... Сошелся пасьянс — длиною в жизнь.

Чего я боюсь?.. Несправедливости, ненужности, хамства. Боюсь потерять то, что люблю больше всего на свете. Боюсь черного окна, в проеме

которого когда-то стояла мама, волновалась, ждала. И до сих пор боюсь исчезновения этого чуткого силуэта... Боюсь слез в глазах любимой, горячих, невыносимых... И снова боюсь. Боюсь черного тихого окна под крышей родительской пятиэтажки. Сколько раз оно озарялось светом, когда я перешагивал через порог родного дома: Это я! Это я — со всеми недостатками, радостями и привычками, хворями и сомнениями, боязнью хандры, одиночества и сознания того, что могу не успеть сделать то, что умею... Я боюсь потерять тебя. Боюсь обстоятельств и состояний, которые могут хоть на мгновение разлучить нас, отнять у меня желание быть, испытывать боль и радость жизни на этой земле...

Ласточки — это наши аисты. Они приносят в дом счастье, каждую весну обживая сухое травяное гнездо под стрехой дачного дома. Старая кошка Мурка, забираясь на крышу, по-кошачьи чувствует опасность мягкой упругой лапкой, опасность разрушить этот легкий пищащий мир безграничного счастья, осторожно присматривает за пернатым семейством. Летом в гнездышке появляются птенцы. Выгнувшись на гребне крыши, нежась на солнце, кошка нехотя бросает томный замуренный взгляд на снующих в поисках корма пташек. Или так же лениво отвернувшись от гнезда, вполуха слушает щебет играющей на крыльце внучки, неспешный разговор летающих дач-

ный забор сыновей... Пусть не пустеет гнездо, пусть оживает дом ранней весной и затихает с последним осенним отлетом. Пусть возвращаются в гнездышко под крышей ласточки — наши добрые ангелы, принося в дом счастье.

Ты и я. Много объединяет нас. Много, что подразумевает под собой слово — семья. Семь я: дом, работа, друзья, увлечения, дети, ты и я. Ты и я — путешественники. Не было ни года, когда бы мы не выезжали за пределы Карелии. Посетили удивительные уголки мира и европейские столицы. Увидели теплые моря и дышащие холодной вечностью заснеженные горные вершины. Обходили с благоговейным трепетом места, связанные с пребыванием поэтов и мыслителей, русские монастыри. Были очарованы закатами и восходами глубоких, безбрежных, удивительно красивых озер. И снова... мы возвращаемся домой. Нам еще многое надо познать и увидеть, чего мы раньше не замечали. Перед нами открывается неизведанная, необъятная, былинная, отчая сторона, чьи леса и горы, моря и реки одни-то и могут сравниться с широтой души, чистотой сердца и сокровенностью любви, со страницами еще не прочитанных книг. Мы живем этой новой встречей. Мы пойдем рука об руку вдоль темной озерной воды, по склону таежного кряжа, по еле заметной тропинке... Ты и я.

□

Олег Эдуардович МОШНИКОВ

родился в 1964 г. в Петрозаводске.

Поэт, прозаик.

Первая стихотворная подборка была опубликована в 1988 г.

в газете Уральского военного округа.

Автор книг «Птица-ночь» (1995), «Духов камень» (1999),

«Космонавт» (2002), «Солнечные письма» (2009).

Стихи и рассказы переведены на вепсский,

карельский, финский, шведский языки.

С 1998 г. член Союза писателей России.

